

Т.П. Буслакова

«Февраль. Достать чернил и плакать!..» (1912)

В стихотворении лирический герой передает свое предощущение весны как всемирной жажды обновления жизни. В картине «февраля» вступают во взаимодействие детали окружающего мира («слякоть», «клик колес» пролетки, «деревья») с воспоминаниями и одновременно мечтами лирического героя о весне (пасхальном «благовесте», «ливне», «лужах», «тысячах грачей»), а также с приметам его эмоционального состояния («плакать», «навзрыд», «слезы», «грусть», «крики»). Это явления различных уровней реальности, но в стихотворении они оказываются взаимопроницаемы. Между ними возникают «случайные» сближения, рождающие образы, основанные не на сходстве или противоположности, а на смежности, — не метафоры, а метонимии. Каждый из уровней воспринимается в неразрывной связи с другими, а весь мир — нерасторжимым целым.

В образе, заканчивающем первую строфу («Пока грохочущая слякоть//Весною черною горит»), автор находит неожиданное сочетание звука (грохот колес пролетки), зрительного впечатления (черная слякоть), лирического ощущения (щемящего ожидания прихода весны — «Весною... горит»). «Черная» весна воспринимается не как эмоциональная оценка, заключающаяся в метафоре, а как метонимия двух уровней восприятия времени года — реального представления о цвете освобождающейся от снега земли и силы воображения, позволяющего в первой оттепели почувствовать пробуждение природы.

В образе, начинающей вторую строфу («Достать пролетку...//Перенестись туда, где ливень...»), соплагаются реальность движения «пролетки» в пространстве и метафора полета воображения. В четвертой строфе «Проталины чернеют» в самой глубине сознания («Под» «грустью на дне очей»), а весенний «ветер» «изрыт» внутренним наплывом чувств, «криками» души. Границы явлений размываются, их качества переносятся друг на друга. Однако художественная цель стихотворения не ограничивается изображением этой необычной картины.

В первой же строфе, наряду с другими, появляется еще один уровень реальности: творческое стремление поэта «Достать чернил и плакать», «Писать о феврале навзрыд». Внутреннее напряжение передается обилием глаголов («Достать чернил», «плакать», «писать», «Достать пролетку», «Перенестись туда...»). Все они стоят в неопределенной форме, что помогает выйти за рамки лирического ощущения, придать ему обобщенный характер.

Благодаря метонимическому строению образов, творчество предстает неотделимой частью не только духовной жизни лирического героя, но и всей природы. Поэт творит новые звуки и краски, сравнимые с вечными явлениями внешнего и внутреннего мира («...ливень//Еще шумней чернил и слез»). В то же время жизнь составляет главное содержание произведения искусства. Она не просто отражается в нем, а врывается в художественную ткань «тысячами» «случайных» впечатлений. Интенсивность процесса творческого отображения действительности передает образ, созданный в третьей строфе.

Мечта о весне уносит лирического героя в мир, похожий на обыденность (грачи отражаются в лужах). Но каждая художественная деталь придает ему необыкновенную экспрессивность: грачей «тысячи», они, похожие на «обугленные груши», срываются с деревьев, поднимая, как при падении, фонтан брызг — ощущений. Антитезы подчеркивают игру между образами двух уровней — природным и психологическим (взлетевшие грачи «обрушат//...грусть на дно очей», «Сорвутся в лужи», вызывая «Сухую грусть»). Воображение поэта, пишущего «о феврале», создает новую реальность. Но строится она не по субъективному произволу автора, а по законам самой жизни, при этом не заслоняя

ее, а вступая с ней во взаимодействие («И чем случайней, тем вернее // Слагаются стихи...»). В стремлении «верно» отразить внутреннюю и внешнюю действительность поэт схватывает впечатления на лету, пытаясь успеть за движением жизни, на ходу выкрикивая свои открытия («И ветер криками изрыт...»), «плача» от напряжения. Такие стихи «навзрыд» и предстают в стихотворении истинным искусством.

Классический размер стихотворения (четырёхстопный ямб) сочетается с нарушением традиции в самых разных областях. Сдвиг присутствует и в изломанном синтаксисе, и в неточных рифмах («гривен» — «ливень»), и в надрывной, восходящей интонации исповеди, обрывающейся неожиданным выводом. Фоническое своеобразие стихотворения связано с внутренними рифмами (благодаря им перекликаются строчки разных строф, например, последняя с двумя первыми, между которыми существуют смысловые пересечения), ассонансами («Сорвутся в лужи и обрушат...» и др.), звуковыми повторами с сонорными («**Ч**рез благовест, **ч**рез **к**лик **к**олес...» и др.). В богатой и разнообразной инструментовке стихотворения не прослеживается закономерности. Как и в содержании, в каждом стилистическом уровне содержится мысль о «случайности» найденных слов и образов, позволивших создать «верный» слепок дискретной и текучей жизни.